

Тихомиров П. В. Новости западной философской литературы:
(Статья 2-я:) Логика и теория знания // Богословский вестник 1896.
Т. 3. № 8. С. 229–246 (3-я пагин.). (Окончание.)

Новости западной философской литературы.

(Статья вторая).

Логика и Теорія знания.

(Окончаніе).

VII.

Theodor Lipps, Grundzüge der Logik. Hamburg und Leipzig. 1893. SS. VIII+233.

Книга Липпса представляет собою сокращенный курсъ его университетскихъ лекцій по логикѣ и предназначалась первоначально въ руководство студентамъ Бреславскаго университета. Но авторъ въ предисловіи къ ней высказываетъ надежду, — на нашъ взглядъ, совершенно справедливую, — что она заслуживаетъ вниманія и специалистовъ (SS VII—VIII). Нѣмецкій-же рецензетъ этой книги, Карль Гросъ, находитъ, что, при выдающихся своихъ достоинствахъ учебнаго пособия, она для специалистовъ даже цѣннѣе, чѣмъ для учащихся (*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1895, В. 106, S. 306). Авторъ, затѣмъ, въ томъ-же предисловіи говоритъ, что въ его книгѣ „каждое слово тщательно придумано,“ — въ особенности тамъ, гдѣ онъ идетъ „собственной дорогой“, не повторяя другихъ писателей и ученыхъ (*ibid*). Все это побуждаетъ насъ остановиться на Логикѣ Липпса съ нѣскольکو большею подробностью, чѣмъ на рассмотрѣнныхъ ранѣе книгахъ.

„Логика есть *ученіе о формахъ и законахъ мышленія*“, — такъ опредѣляетъ авторъ свою науку. Опредѣленіе логики, какъ „науки о *нормативныхъ* законахъ мышленія, или ученія о томъ, какъ *правильно* мыслить“, онъ считаетъ излишнимъ, потому что „мы всегда мыслимъ пра-

вильно, когда дѣйствительно мыслимъ“ (S. 1); въ этомъ случаѣ авторъ, очевидно, повгоряетъ воззрѣніе Шопенгауэра (см. заключительный отдѣлъ его „Эристики“). Судя по данному опредѣленію логики, можно-бы было думать, что авторъ—приверженецъ *формальной* логики. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ-же §, трактующемъ объ отношеніи логики къ теоріи знанія, онъ заявляетъ себя сторонникомъ логики *гносеологической*. Опредѣливъ здѣсь мышленіе, какъ „дѣятельность духа, посредствомъ которой изъ даннаго въ сознаніи образуется познаніе“, онъ говоритъ, что „познаніе не есть нѣчто потустороннее въ отношеніи къ мышленію, а есть то самое, въ чемъ осуществляется мышленіе“, и что „нѣтъ никакихъ факторовъ, условій и предположеній познанія, кромѣ закономерности мышленія и предполагаемыхъ мышленіемъ предметовъ сознанія“. Отсюда выводъ: „нѣтъ теоріи знанія, которая не включала-бы въ свою задачу вполне законченной логики“ (ibid.). Такъ авторъ на первой же страницѣ своей книги обозначаетъ свое направленіе.

Любопытенъ взглядъ автора на взаимоотношеніе логики и грамматики. Утвержденіе, что нѣтъ мышленія безъ словъ, будучи въ своей голой формѣ нѣсколько парадоксальнымъ, заключаетъ однако, по мнѣнію автора, глубоко вѣрную мысль касательно того значенія, какое имѣетъ языкъ для мышленія. Этимъ не хотятъ сказать, что мышленіе, какъ таковое, связано съ рѣчью; но это, во всякомъ случаѣ, значить, что не упускать никогда изъ виду взаимнаго отношенія мысли и языка, показывать,—насколько мыслимое и говоримое, грамматическіе и логическіе элементы и формы, соотвѣтствуютъ другъ другу,—составляетъ прямую и существенную задачу логики (S. 2. § 4).

Опредѣливши такимъ образомъ предметъ и задачу логики, авторъ затѣмъ вкратцѣ излагаетъ свой взглядъ на познаніе и его исходный пунктъ. „Матеріаломъ мышленія и познанія, говоритъ онъ, служатъ объекты сознанія, — не какіе-нибудь опредѣленные, а вообще объекты сознанія“ (S. 2, § 5). Ихъ бытіе — „абсолютно достовѣрно и несомнѣнно“. Но „достоверность, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть не что иное, какъ только бытіе этихъ объектовъ для сознанія. Какъ логическая достоверность, такъ равно и всякое сомнѣніе предполагаютъ уже или включаютъ въ себѣ

это бытіе. Бытіе и свойства данныхъ въ сознаниі объектовъ составляютъ абсолютно *фактическое* (S. 3). Признаніе этого абсолютно фактическаго и составляетъ исходный пунктъ познаниа. Это фактическое, данное въ сознаниі, составляетъ основу опыта. Опытъ, въ самомъ общемъ смыслѣ, есть всякое сознаніе чего-либо, и относительно такого опыта можно сказать, что на немъ основывается все познание. Но, замѣчаетъ авторъ, „если ограничивать понятіе опыта воспріятіемъ, то было-бы несправедливо сказать, что всякое познание покоится на опытѣ или исходитъ изъ опыта“ (S. 3, § 6). Что-же такое познание?— „*Познание*, отвѣчаетъ Липпсъ, есть *объективно-необходимый порядокъ предметовъ сознаниа*,—поставленіе ихъ въ объективно-необходимую связь“. При этомъ объективно-необходимая связь противоплагается субъективному произволу въ комбинированіи представленій и ихъ случайному теченію по законамъ ассоціаціи (ibid. § 7). Сдѣлавши затѣмъ нѣсколько общихъ замѣчаній о понятіяхъ истины, знанія, мышленія и др. (§§ 8—9), авторъ отмѣчаетъ очень важную черту познающаго мышленія,—восполненіе даннаго въ опытѣ (§ 10: Denken als Ergänzten): задача мышленія исчерпывалась-бы, по его мнѣнію, приведеніемъ въ порядокъ непосредственно данныхъ и открытыхъ мышленіемъ предметовъ сознаниа, если-бы послѣдніе можно было поставить въ свободную отъ противорѣчій, объективно-необходимую и удовлетворяющую законамъ мышленія связь; но этого на дѣлѣ нѣтъ, а напротивъ, — мышленіе, если оно имѣетъ своимъ предметомъ только непосредственно данные объекты сознаниа, повсюду впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою; это противорѣчіе становится разрѣшимымъ только въ томъ случаѣ, если къ данному въ сознаниі, для его восполненія, присоединить объекты, которые не даны непосредственно. Такимъ образомъ, мышленіе есть не только приведеніе въ порядокъ даннаго, но и примышленіе къ данному (ein Hin-zudenken), выходженіе за предѣлы фактическаго, съ цѣлію пайти то, что необходимо должно быть мыслимо въ интересахъ полной понятности фактическаго. „Познание состоитъ въ томъ, что-бы построить міръ объективно-необходимаго порядка—не *изъ* непосредственно даннаго, а скорѣе *для* непосредственно даннаго“. Оно есть „мысленное

созданіе міра, въ рамки котораго должно быть вставлено непосредственно данное“ (S. 4, § 10).

Доселѣ мы изложили содержаніе двухъ первыхъ главъ введенія въ книгу Липса. Въ III-ей главѣ авторъ говоритъ о видахъ познанія. Указавъ здѣсь прежде всего, что міръ непосредственно даннаго распадается для нашего сознанія на я и не-я, міръ объектовъ и субъектъ (SS. 4—5 § 11), онъ различаетъ затѣмъ двойное отношеніе, въ какомъ могутъ находиться объекты сознанія къ нашему я: иногда я чувствую себя въ своихъ представленіяхъ активнымъ, свободнымъ, дѣятельнымъ, переживаю чувство зависимости объектовъ отъ меня; иногда-же я чувствую, что объекты сознанія не зависятъ отъ меня, чувствую себя вынужденнымъ къ извѣстнымъ представленіямъ,—связаннымъ ими, несвободнымъ, пассивнымъ. Эти противоположныя свойства представленій обозначаются терминами *субъективности* и *объективности* (S. 5, § 12). Далѣе онъ говоритъ о томъ, что наше сознаніе различаетъ въ дѣйствительности матеріальную и формальную сторону, т. е. самый объектъ или временно-пространственную связь объектовъ, какъ реальное цѣлое, и — отношеніе между объектами или элементами объектовъ (S. 6, § 14). Соотвѣтственно этому, и познаніе дѣлится на *матеріальное* и *формальное*. Формальное познаніе имѣетъ своимъ предметомъ объективныя отношенія дѣйствительности, независимо отъ того, даны-ли эти отношенія въ реально-существующихъ предметахъ, или нѣтъ;—значитъ, формальное познаніе состоитъ въ сознаніи безусловной необходимости извѣстнаго способа представленія. Таково, напр., положеніе, что двѣ стороны треугольника въ суммѣ своей больше третьей (SS. 6—7, § 15). Матеріальное познаніе, напротивъ, имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительные предметы (S. 7, § 16).

IV глава трактуетъ о степеняхъ матеріальнаго познанія. Самое первоначальное матеріальное познаніе состоитъ въ простомъ сознаніи объективной дѣйствительности,—въ сознаніи того, что существуетъ объектъ, какъ нѣчто противостоящее моему свободной игрѣ представленіями, нѣчто принудительно навязывающееся мнѣ (S. 9, § 19). Но объектъ въ сознаніи обыкновенно бываетъ данъ въ ассоціаціи съ другими объектами. Эта ассоціація и служитъ началомъ

сознательной дѣятельности мышленія, толчкомъ къ вопросу,—что такое объектъ, откуда онъ и т. п. (S. 9, § 20). Далѣе Липпсъ указываетъ ступени въ познаніи я (SS. 9—10, §§ 21—22) и внѣшняго міра (SS. 10—15, §§ 23—30), а въ заключеніе обозначаетъ свой гносеологическій Standpunkt. „Онъ, по словамъ автора, одинаково противоположенъ какъ *субъективистической* теоріи познанія, которая полагаетъ, что все первоначально дано въ качествѣ предмета нашего сознанія, въ качествѣ нашего представленія,—содержанія духа, такъ и *объективистической* теоріи, утверждающей сознаніе трансцендентнаго міра въ качествѣ первоначальнаго факта“ (S. 16, § 31). Въ дѣйствительности я и не-я даны вмѣстѣ, и „познаніе состоитъ не въ *переходѣ* отъ субъекта къ міру внѣ его или наоборотъ, а въ постепенномъ все полнѣе и полнѣе осуществляющемся *раздѣленіи* (Scheidung) того и другого“ (ibid).

Въ самомъ курсѣ логики главное вниманіе автора сосредоточивается на *сужденіи*, какъ основной формѣ познанія ¹⁾. Глава V-ая посвящена общему описанію сужденія (§§ 32—40). Сужденіе Липпсъ опредѣляетъ, какъ „*сознаніе объективной необходимости связи или порядка предметовъ сознанія*“ (S. 17, § 32). Соответственно двумъ родамъ познанія, и сужденія бываютъ *формальныя* и *матеріальныя* (ib. § 33). Объективная, или логическая необходимость формальныхъ сужденій состоитъ въ невозможности для мысли замѣнить извѣстное представленіе, являющееся элементомъ сужденія, другимъ представленіемъ, а объективная необходимость сужденій матеріальныхъ состоитъ въ невозможности уничтожить представленіе, не уничтожая сознанія реальности представляемаго (SS. 18—19, § 36). *Объективное значеніе* сужденіе получаетъ въ томъ случаѣ, когда оно не стоитъ въ противорѣчій ни съ данными опыта, ни съ другими необходимыми сужденіями (S. 19, § 37). Но въ познаніи особенно важны не частныя объективныя сужденія, а сужденія, отличающіеся характеромъ *всеобщности*. Возможность такихъ сужденій обусловливается предположеніемъ одинаковости мышленія у всѣхъ мыслящихъ

¹⁾ „Познаніе,—говоритъ онъ въ концѣ своей книги,—начинается и оканчивается сужденіемъ“ (S. 216).

существо, дающимъ намъ возможность нашу собственную духовную организацію мысленно переносить на другія существа (ib. § 38).

VI-ая глава (§§ 40—44) трактуетъ объ элементахъ суженія,—субъектѣ, предикатѣ, связкѣ. Здѣсь заслуживаетъ вниманія опредѣленіе субъекта и предиката. Подъ субъектомъ сужденія авторъ разумѣетъ—„предполагаемое въ актѣ сужденія, данное, лежащее въ основаніи предцированія (das der Prädication zu Grunde Liegende), стало быть,—то, чему нѣчто приписывается съ признаніемъ объективной необходимости, или—то, при предположеніи чего нѣчто можетъ быть мыслимо“ (§. 20, § 40). Значить отношеніе субъекта и предиката авторъ понимаетъ какъ отношеніе логической обусловленности. Возрѣніе это могло-бы показаться страннымъ, если-бы мы не видѣли уже, что понятіе логической необходимости имѣетъ у автора болѣе широкій смыслъ чѣмъ обыкновенно,—усвояется и эмпирическимъ сужденіямъ.

Много любопытныхъ замѣчаній можно встрѣтить и въ слѣдующихъ VII и VIII главахъ (§§ 23—30, §§ 45—57), гдѣ авторъ говоритъ о словесномъ выраженіи сужденій и о функціяхъ предложенія. Но мы не будемъ на нихъ останавливаться, чтобы не удлиннить нашей рецензіи, тѣмъ болѣе, что замѣчанія эти имѣютъ преимущественно практической или учебный интересъ. Точно также не будемъ мы останавливаться и на главахъ IX—X, гдѣ авторъ излагаетъ ученіе о качествѣ и количествѣ сужденій (§§. 30—41, §§ 58—81) и сравнительно мало говоритъ новаго и своеобразнаго.

Гораздо интереснѣе глава XI (§§. 41—48, §§ 82—92),—о субъектахъ сужденій. Мы уже сказали, что отношеніе субъекта и предиката Липпесъ понимаетъ, какъ отношеніе логической обусловленности. Въ разсматриваемой главѣ онъ подробнѣе останавливается на развитіи этой своей мысли. „Субъектъ, говоритъ онъ, принуждаетъ насъ мыслить предикатъ. Что принуждаетъ насъ мыслить нѣчто, есть основаніе послѣдняго. Слѣдовательно, субъектъ есть *основаніе* предиката,—а предикатъ *слѣдствіе* субъекта“ (§§. 41—42, § 82). Субъектъ можетъ быть основаніемъ предиката, *какъ црвое*, и можетъ лишь *содержать* въ себѣ основаніе предиката (ib §§ 82—83). Въ послѣднемъ слу-

чаѣ въ субъектѣ есть элементы, которые не принадлежать къ основанію. Эта разница между субъектомъ и основаніемъ исчезаетъ, когда мы субъектъ беремъ въ строго *логическомъ* смыслѣ. Субъектъ-же съ обыкновенно мыслимымъ и часто избыточествующимъ содержаніемъ есть *психологическій* субъектъ. Логическій предикатъ есть единство условій, которымъ подлежитъ для сознанія судящаго предикатъ; психологическій-же есть совокупность представляемаго содержанія, которой приписывается предикатъ (SS. 42—43, §§ 83—84). Затѣмъ авторъ говоритъ о субъективномъ и объективномъ значеніи субъекта сужденія (SS. 43—44, §§ 86—87), объ условіяхъ объективнаго значенія основаній (SS. 45—48, §§ 88—91) и о степеняхъ логической цѣнности сужденій, обусловливаемой характеромъ субъектовъ. Задача познанія, по его словамъ, состоитъ въ томъ, чтобы освобождать субъекты познавательныхъ сужденій отъ элементовъ, не имѣющихъ объективнаго значенія въ качествѣ условій предиката, и удерживать только объективно-цѣнные (S. 48, § 92).

Изложивъ въ XII главѣ (SS. 49—51, §§ 93—98) ученіе о категорическихъ сужденіяхъ, авторъ въ XIII гл. (SS. 51—57, §§ 99—111) касается очень интереснаго вопроса объ экзистенціальныхъ сужденіяхъ. Эти сужденія, по его мнѣнію, представляютъ собою низкую ступень познавательныхъ сужденій. Въ нихъ мы имѣемъ лишь простой актъ „признанія“ представляемаго содержанія, „вѣры“ въ него; или сознанія его объективной дѣйствительности (§ 99). Экзистенціальное сужденіе есть *примитивное* матеріальное сужденіе—въ томъ смыслѣ, что всякое полное матеріальное сужденіе предполагаетъ экзистенціальныя сужденія и заключаетъ ихъ въ себѣ столько, сколько въ немъ отдѣльных элементовъ (S. 52, § 101). Рассмотрѣвъ виды экзистенціальныхъ сужденій, Лицсе въ заключеніе ставитъ вопросъ,—можетъ-ли дѣйствительность считаться предикатомъ,—и рѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ, потому что дѣйствительность не есть возможный предметъ представленія; именемъ дѣйствительности мы обозначаемъ лишь способъ нашего отношенія къ представляемому содержанію (S. 57, § 111).

XIV—XIX главы (SS. 57—79, §§ 112—160), гдѣ

обсуждаются нѣкоторые другіе вопросы касательно суждений, напр., о сужденіяхъ гипотетическихъ, раздѣлительныхъ, номинальныхъ и т. п., особеннаго интереса не представляютъ. Мы поэтому переходимъ прямо къ гл. XX—XXI (SS. 79—93). трактующимъ о понятіи причинности. Если, рассуждаетъ авторъ, все содержаніе нашего знанія происходитъ изъ опыта, то логика не должна принимать ни одного понятія, элементы котораго не сводились - бы къ извѣстному опыту; и это требованіе должно быть прежде всего примѣнено къ т. н. „категоріямъ“ причины и дѣйствія, силы и законы и пр. (S. 79, § 161). Причинное отношеніе, по его мнѣнію, не можетъ быть содержаніемъ сужденія, но есть лишь способъ нашего сужденія (ib. § 162). На вопросъ,—что мы думаемъ, когда называемъ нѣчто причиной или дѣйствіемъ, какое содержаніе соотвѣтствуетъ этимъ словамъ,—въ сущности не даютъ отвѣта такіа объясненія, что причина производитъ или вызываетъ дѣйствіе, что она есть то, благодаря чему происходитъ извѣстное явленіе (ib. § 163). Понятіе силы также не разъясняетъ понятія причины. Слѣдуетъ различать научное и наивное понятіе о силѣ. Первое и не претендуетъ объяснять что-либо, а есть лишь *вспомогательное* понятіе, *удобное выраженіе* для обозначенія факта причинной связи или закономерности (ib. § 164). Наивное понятіе о силѣ разсматриваетъ послѣднюю по аналогіи съ человѣческой волей (SS. 80—81, § 165). Самъ авторъ опредѣляетъ причинность, прежде всего, какъ *закономѣрность отношенія во времени*, при чемъ предостерегаетъ отъ антропоморфическаго пониманія „закона“ въ смыслѣ воли или силы. Закономѣрность есть необходимость въ бытіи и процессахъ міра. Объективную необходимость не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ какого-то принужденія, испытываемаго предметами, а—лишь въ смыслѣ необходимости, которую мы открываемъ, когда *мыслимъ* о предметахъ. Такъ образ., „причина есть то, что должно быть мыслимо уже даннымъ въ объективной дѣйствительности, чтобы могло быть мыслимо объективно дѣйствительнымъ другое,—„дѣйствіе“ (SS. 83—85, § 168—170). Опредѣливши такимъ образомъ причинность, авторъ разсматриваетъ модификаціи этого понятія, его отношеніе къ поня-

ніямъ — явленія, субстрата, акциденціи, вещи, субстанціи (SS. 84—93, §§ 171—184).

Съ большимъ интересомъ читаются главы XXII—XXVI (SS. 93—123, §§ 185—241), имѣющія своимъ предметомъ *субъективныя сужденія*. Субъективными сужденіями авторъ называетъ такія, которыя „состоятъ въ сознаніи объективной необходимости извѣстнаго субъективнаго порядка, т. е. порядка, который создается направленною на представляемые объекты упорядочивающею дѣятельностью познающаго субъекта“. Дѣятельность эта состоитъ въ соединеніи или раздѣленіи и въ сравненіи (§ 185). Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ сужденія, полученныя путемъ раздѣленія или соединенія, и—путемъ сравненія, затѣмъ отмѣчаетъ тотъ характеръ, какой сообщаетъ познавательнымъ сужденіямъ эта дѣятельность духа (установка тожества, равенства, различія, противоположности), и изслѣдуетъ логическую и гносеологическую природу сужденій о числѣ и мѣрѣ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ (Kap. XXVII—XXIX, SS. 124—139, §§ 242—269) излагается ученіе о понятіи и логическихъ операціяхъ надъ понятіями. Здѣсь мы должны отмѣтить недостаточное вниманіе со стороны автора къ техническимъ подробностямъ опредѣленія и раздѣленія и неполноту трактата о родахъ и видахъ. Помимо—же этого, вопросы, касающіеся понятія, разсматриваются съ достаточной научной основательностью.

Много любопытныхъ и очень дѣльныхъ сужденій содержатъ XXX—XXXIV главы (SS. 139—170, §§ 270—318), — объ опытѣ и законосообразности мышленія. Здѣсь прежде всего идетъ трактатъ объ основаніяхъ нашихъ познаній, — указывается значеніе опыта, устанавливаются понятія а priori и а posteriori, изслѣдуется вопросъ объ априорности пространства и времени и т. п. (SS. 139—146). Затѣмъ авторъ переходитъ къ *законамъ мышленія*. Въ традиціонныхъ законахъ, — тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія, — онъ не признаетъ цѣнности, считая ихъ тавтологическимъ пустословіемъ (нѣсколько снисходительнѣе, впрочемъ, онъ относится къ закону противорѣчія). На мѣсто всѣхъ этихъ законовъ онъ предлагаетъ поставить одинъ только законъ. Это—*закономѣр-*

ность мышленія, состоящая въ постоянствѣ и послѣдовательности: при одинаковыхъ предположеніяхъ должно быть мыслимо одно и то-же, изъ одинаковыхъ основаній должны выводиться одинаковыя слѣдствія. Приложение этого закона и разсматривается далѣе въ различныхъ формахъ познавательной дѣятельности (SS. 146—152, §§ 283—292). По поводу этого мы должны сказать, что критика авторомъ традиціонныхъ законовъ мышленія производитъ впечатлѣніе явной тенденціозности, а преимущество предъ ними его новоизмышленнаго закона — весьма сомнительно. Послѣ этого авторъ подробно останавливается на отношеніи *закона причинности* къ опыту. Разсмотрѣнію закона причинности онъ предпосылаетъ изслѣдованіе сужденій, основанныхъ на воспоминаніи, потому что, если причина есть совокупность объективно необходимыхъ реальныхъ условій объективнаго дѣйствія, то такія условія первоначально выступаютъ предъ нашимъ сознаніемъ только въ актахъ воспоминанія (S. 156, § 299). Потомъ онъ переходитъ къ основаніямъ нашего убѣжденія въ законосообразности міра (SS. 157 ff) и, наконецъ, къ причинности и различнымъ формамъ ея проявленія (SS. 159 ff).

Отдѣлы объ умозаключеніи (Кар. XXXIV—XLI, SS. 170—215) изложены обстоятельно и основательно, но особеннаго вниманія на себѣ не останавливаютъ, потому что въ содержаніи своемъ мало разнятся отъ другихъ курсовъ логики. Послѣдній отдѣлъ книги Липса (SS. 216—233, §§ 412—439) трактуетъ общіе вопросы—о знаніи, вѣроятности и вѣрѣ.

Таково содержаніе логики Липса. По своимъ научнымъ достоинствамъ книга эта представляетъ собою цѣнный вкладъ въ логическую литературу. Заявленіе автора, что въ ней каждое слово тщательно продумано—совершенно вѣрно. И мы должны прибавить, что авторъ не только самъ все продумалъ, но и умѣетъ почти каждымъ параграфомъ своего сочиненія вызвать читателя на серьезныя размышленія. Послѣдній найдетъ здѣсь очень много такого, съ чѣмъ не согласится, но, и не принимая возрѣній автора, онъ все-таки не сможетъ отказать имъ въ научной серьезности. Это, по нашему мнѣнію,—главное достоинство разсматриваемой книги. Другимъ, тоже весьма важнымъ, ея достоинствомъ

является обиліе содержанія. О вещахъ общеизвѣстныхъ авторъ говоритъ сравнительно кратко; но зато съ похвальной обстоятельностью останавливается на всемъ, что еще недостаточно разработано или служить предметомъ споровъ. Изложеніе простое и общедоступное, что особенно приходится цѣнить въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ трактуетъ вопросы спорные и весьма запутанные.

Что касается недостатковъ книги, то отчасти мы уже указывали на нихъ. Кромѣ-же того мы должны назвать—отсутствіе строгаго плана и системы въ изложеніи, пренебреженіе цитаціей, — умалчиваніе объ источникахъ и пособияхъ, — недостатокъ критики чужихъ мнѣній ¹⁾, избытокъ гносеологическихъ и психологическихъ подробностей, игнорированіе практическихъ задачъ логики и преувеличенную оцѣнку того значенія, какое имѣетъ сужденіе въ нашемъ познаніи, обусловившую нѣкоторый недостатокъ вниманія къ умозаключенію.

Въ общемъ, на нашъ взглядъ, книга Липпса будетъ болѣе полезна для спеціалистовъ, чѣмъ для учебнаго употребленія.

VIII.

Carolus Frick, Logica in usum scholarum. Friburgi Brisgoviae. MDCCCXIII. Pp. VIII + 296.

Кружкомъ іезуитовъ, состоящихъ преподавателями философіи въ различныхъ католическихъ коллегіяхъ Германіи, предпринято изданіе серіи учебниковъ по философскимъ наукамъ. Первымъ членомъ въ этой серіи и является лежащая предъ нами логика Фрикка ²⁾. Книжка эта въ особенности любопытна тѣмъ, что показываетъ, какъ послѣдовательно католики умѣютъ проводить провозглашенный ихъ богословами еще въ средніе вѣка принципъ: „*Philosophia est ancilla theologiae*“. Даже логику сдумѣли они обработать въ этомъ духѣ.

¹⁾ Послѣдніе два недостатка сознаетъ, впрочемъ, и самъ авторъ. Vorwort, S. VII.

²⁾ Прочія части этой серіи: *Metaphysica generalis, Philosophia naturalis, Psychologia naturalis, Theologia naturalis* и *Philosophia moralis*.

На научное значеніе разсматриваемая книга не претендуетъ, преслѣдуя цѣли исключительно учебныя. Планъ ея—шаблонный, схоластическій: введеніе (pp. 1—8) и двѣ части—діалектика (pp. 9—99) и критика (pp. 100—296). Подъ именемъ діалектики предлагается обычное содержаніе формальныхъ логикъ, а подъ именемъ критики ученіе о достовѣрности знанія. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ содержанія этихъ частей, а укажемъ лишь нѣкоторыя черты въ нихъ, позволяющія судить объ ихъ общемъ характерѣ.

Діалектика дѣлится на три книги, содержащія ученія— о понятіи (pp. 8—38), сужденіи (pp. 38—61) и умозаключеніи (pp. 62—99). Ученіе объ опредѣленіи и раздѣленіи разсматривается вмѣстѣ съ ученіемъ о понятіи, а трактаты о доказательствѣ и методѣ излагаются въ книгѣ объ умозаключеніи.—Изложеніе всѣхъ этихъ ученій ведется самымъ догматическимъ тономъ: предлагаются правила,—въ большинствѣ случаевъ, въ средисѣвковой формулировкѣ, приводятся примѣры,—большею частію, крайне банальные или заимствованные изъ богословія, и рѣдко когда даются разъясненія касательно способа пользованія правиломъ. Всякая забота о томъ, чтобы ввести учащагося въ духъ и внутренній смыслъ извѣстной логической операціи и тѣмъ пробудить его умственную самодѣятельность,—совершенно почти оставлена. Возьмемъ, на примѣръ, трактатъ о дѣленіи понятій на единичныя общія и частныя (р. 14); авторъ здѣсь вмѣсто того, чтобы дать толковое описаніе единичнаго понятія, предлагаетъ учащемуся слѣдующіе стихи, мало объясняющіе дѣло и далеко не всегда пригодные на практикѣ:

„Forma, figura, locus, tempus, stirps, patria, nomen,
„Nasc ea sunt septem, quae non habet unus et alter“.

Ученіе о подчиненіи понятій поясняется „деревомъ Порфирія“, термины котораго слишкомъ отвлечены (р. 16). Категоріи исчисляются по Аристотелю, да еще поясняются слѣдующимъ бессмысленнымъ стихомъ (р. 17):

„Arbor sex servos ardore refrigerat ustos;
„Ruri cras stabo, sed tunicatus ero“.

А вотъ образцы примѣровъ. На стр. 38 исчисляются живыя существа: „Angeli, homines, animalia, plantae“,—

требуется указать ихъ общіе признаки. На стр. 46 анализируется сужденіе—„qualis vita, talis mors:

Vita habet aliquam qualitatem;

Mors habet aliquam qualitatem;

Utraque qualitas eadem“.

На стр. 53 такъ называемый логическій квадратъ иллюстрированъ слѣдующими сужденіями: „1) Omne corpus est grave, 2) nullum corpus est grave (?), 3) aliquod corpus est grave, 4) aliquod corpus non est grave“. Примѣры силлогизмовъ на стр. 72 и слѣд.:

„Omnis virtus est bona.

Aliqua aemulatio non est bona.

Ergo aliqua aemulatio non est virtus“.

„Ubi est thesaurus tuus, ibi est cor tuum.

Atqui thesaurus tuus est in coelo.

Ergo cor tuum est in coelo“.

„Si ecclesia errat, Deus mentitur.

Atqui Deus non mentitur.

Ergo ecclesia non errat“.

Вообще, по характеру изложенія, видно, что учебникъ рассчитанъ не столько на то, чтобы пробудить мысль учащагося, сколько на то, чтобы онъ намятью усвоилъ внѣшніе схоластическіе приемы и приучился къ той игрѣ высшими религіозно-философскими понятіями, въ какой католическіе богословы давно уже дошли до виртуозности. Этимъ, повидимому, объясняется и опущеніе ученія о научной индукціи.

Обращаясь ко второй части, къ критикѣ, мы прежде всего замѣчаемъ, что она вдвое больше первой. Чѣмъ объяснить это явленіе? Вѣдь по существу-то дѣла ученіе о достовѣрности знанія должно бы быть лишь приложеніемъ къ курсу логики. Объясненіе этому мы найдемъ въ характерѣ разсматриваемаго отдѣла книги. Содержаніе этой части логики раскрывается въ 30 тезисахъ, извлеченныхъ большею частью изъ сочиненій Оомы Аквината и составляющихъ явную *гносеологическую пропедевтику къ богословію*. Изложивъ въ первой книгѣ (pp. 102—167) ученіе объ истинѣ и достовѣрности вообще, авторъ во второй книгѣ (pp. 168—271) говоритъ объ источникахъ истиннаго и достовѣрнаго познанія. Такихъ источниковъ указывается

пять: непосредственное сознаніе, вѣщній опытъ, идеи разума, умозаключеніе и *авторитетъ* (курсивъ нашъ). Въ третьей книгѣ говорится о критеріѣ истины (pp. 271—292), и вопросъ этотъ рѣшается, конечно, въ духѣ томизма. Здѣсь любопытно, что въ заключеніи это рѣшеніе прямо ставится въ связь съ интересами богословія.

IX.

Max Scheide, Die Bedeutung der Werturtheile für das religiöse Erkennen. Halle. 1893. SS. 89.

Писатели, выдвигающіе на видъ значеніе для религіознаго познанія сужденій о цѣнности (Werturtheile), обыкновенно исходятъ изъ того основнаго положенія, что религіозное знаніе существенно отлично отъ философскаго. Впервые самымъ рѣшительнымъ образомъ стала на эту точку зрѣнія и началъ употреблять терминъ „Werturteil“—Ричль. Его примѣръ пошелъ подражателей, и теперь уже вопросъ объ этихъ сужденіяхъ имѣетъ свою литературу. Однимъ изъ образчиковъ этой литературы представляетъ книга Шэйбе.

Изложивъ взгляды на сужденія о цѣнности Ричля, Германа и Кафтана (SS. 4—25), авторъ задается вопросомъ, что такое цѣнность и что надо разумѣть подъ сужденіемъ о цѣнности. Существуетъ бесспорно кругъ сужденій, прилагаемыхъ нами къ лицамъ, предметамъ и дѣйствіямъ, гдѣ мы оцѣниваемъ послѣднія съ точки зрѣнія извѣстныхъ нормъ: паровая машина — полезна, Рафаэлева Мадонна — прекрасна, этотъ поступокъ нравственно хорошъ и т. п. Вотъ эти-то сужденія и называются сужденіями о цѣнности въ отличіе отъ сужденій о бытіи (Seinsurtheile), въ которыхъ мы просто высказываемся о фактахъ. Если мы спросимъ, на какомъ основаніи вообще предлагаются къ предметамъ извѣстныя нормы, то не трудно будетъ видѣть, что въ самыхъ предметахъ такого основанія нѣтъ. Основаніе это можетъ быть только въ насъ, — въ томъ впечатлѣніи, какое оказываютъ предметы на наше чувство. Такимъ образомъ, сужденія о цѣнности не выражаютъ того, что суть предметы сами *въ себѣ*, а — что они суть *для насъ*, способныхъ испытывать удовольствіе и страданіе, благополучіе и несчастіе

(SS. 25 — 27). Соответственно главнымъ родамъ нашихъ чувствъ, авторъ дѣлитъ сужденія о цѣнности на три класса: 1) сужденія *гедоническія* (пріятно и непріятно, полезно и вредно), 2) сужденія *эстетическія* (красиво и безобразно) и 3) сужденія *нравственныя* (добро и зло, хорошо и дурно). Эти три класса сужденій несводимы другъ на друга и независимы одинъ отъ другого (SS. 28 ff).

Установивши понятіе сужденій о цѣнности, авторъ переходитъ къ религіозному познанію (SS. 33 ff). Признавая, что къ религіозной вѣрѣ человѣка приводитъ главнымъ образомъ чувство бѣдности, скорбности, беспомощности и ограниченности его земного существованія (SS. 34—36), Шэйбе утверждаетъ, что религіозное познаніе направляется на средства и условія освободиться отъ всего этого (§. 36). Но предметъ религіозной вѣры, Богъ, обыкновенно разсматривается, какъ нѣчто объективно существующее, имѣющее извѣстныя реальныя опредѣленія. Значить религіозное знаніе есть знаніе о трансцендентномъ, какъ и философское (§. 37 ff). Чѣмъ-же въ такомъ случаѣ различаются эти знанія и какое именно значеніе имѣютъ для религіозной вѣры сужденія о цѣнности? Изслѣдованіе этихъ вопросовъ и составляетъ задачу Шэйбе.

Конечный результатъ этого изслѣдованія таковъ. „Сужденія религіознаго познанія, религіозной вѣры, не суть сужденія о цѣнности, а—въ такой-же мѣрѣ сужденія о бытіи, теоретическія сужденія, какъ и сужденія науки“. Подобно послѣднимъ, они касаются трансцендентнаго въ отношеніи къ познающему субъекту бытія и также претендуютъ на всеобщее значеніе. Но утверждаемое ими объективное содержаніе отличается отъ выводовъ науки тѣмъ, что оно *не безразлично для живой личности* и ея благополучія, а весьма цѣнно. Далѣе, религіозныя познанія образуются не на основѣ воспріятія, какъ познанія научныя, а на основѣ чувствъ (Gefühle), связанныхъ съ воспріятіемъ, на основѣ религіозныхъ потребностей, выступающихъ предъ сознаніемъ въ чувствахъ удовольствія и неудовольствія, благополучія и страданія. *Въ этомъ смыслѣ* можно сказать, что религіозное познаніе покоится на сужденіяхъ о цѣнности. Основнымъ предположеніемъ всякаго чувства цѣнности, въ томъ числѣ и религіознаго, является ясное или неясное сознаніе

человѣкомъ своего превосходства надъ природой“. „Досто-
вѣрность религіознаго познанія есть субъективная досто-
вѣрность, субъективная не только въ томъ смыслѣ, что она
переживается внутренно каждымъ вѣрующимъ индивиду-
умомъ,—такое переживаніе образуетъ основу и всякой объек-
тивной достовѣрности въ наукѣ,— а въ томъ тѣсномъ смыс-
лѣ, что она можетъ переживаться только въ связи съ
благополучіемъ и несчастіемъ личности, слѣдовательно, въ
чувствѣ“. По при всемъ этомъ различіи научнаго и рели-
гіознаго знанія, результаты ихъ не могутъ быть чужды
всякаго между собой соприкосновенія, потому что то и дру-
гое простирается на одну и ту-же дѣйствительность. По-
этому вполне возможно и законно стремиться къ ихъ соеди-
ненію. Возможность такого соединенія подтверждается съ
обѣихъ сторонъ тѣмъ, что каждое пользуется результатами
другого для собственнаго восполненія. Такъ религіозное
познаніе матеріаль своихъ понятій должно заимствовать въ
наукѣ и пользоваться нѣкоторыми ея предположеніями (напр.,
причинностью). Отсюда очевидно право науки на критику
теоретической формулировки истинъ вѣры. Съ своей сто-
роны и наука при построеніи дѣйствительности часто вы-
нуждена бываетъ оставлять пробѣлы, заполнить которые
можетъ только религія. Такимъ образомъ, при различіи
методовъ между вѣрой и знаніемъ нѣтъ раздора, а можетъ
существовать полная гармонія. Блестящій примѣръ такого
соединенія результатовъ вѣры и знанія въ новсеі философіи
далъ Лотце, къ основнымъ воззрѣніямъ котораго примыкаетъ
и нашъ авторъ (SS. 87—88).

Мы увѣрены, что разсмотрѣнную вами книгу Шэйбе прочтутъ
съ живымъ удовольствіемъ, большимъ интересомъ и не безъ
пользы какъ спеціалистъ, такъ и не—спеціалистъ.

X.

*Henrich Rickert, Der Gegenstand
der Erkenntniss. Freiburg. 1892. SS.
VI—91.*

Исходнымъ пунктомъ воззрѣній Риккерта служить ново-
кантіанскій критическій идеализмъ. „На бытіе всякой дѣй-
ствительности. говоритъ онъ, надо смотрѣть, какъ на бытіе

въ сознаниі“ (S. 40). Обосновывая это воззрѣніе, авторъ полемизируетъ съ философскими ученіями, считающими чувственный міръ „явленіемъ“ метафизической реальности (SS. 1—40). Точно также возстаётъ онъ и противъ тѣхъ философовъ, которые, примыкая къ нѣкоторымъ догматическимъ остаткамъ Кантовской философіи, признаютъ трансцендентное бытіе въ качествѣ абсолютно неизвѣстнаго X. Риккертъ, послѣдовательно развивая феноменалистическое воззрѣніе, неожиданно приходитъ къ выводу, что „всѣмъ намъ извѣстный пространственно временный чувственный міръ есть единственная реальность, о которой мы имѣемъ право говорить“ (ibid).

Этому результату во второй части своей книги авторъ даетъ такое толкованіе, что необходимость мысли, на которой въ концѣ концовъ покоится всякое сужденіе и всякое познаніе, не есть необходимость механическаго долженствованія (Müssen), а необходимость идеальная (Sollen). Это есть императивъ, обращенный не только къ мысли, но въ извѣстной степени и къ волѣ (S. 62). Развивая эту мысль, онъ говоритъ, что познаніе состоитъ не въ представленіяхъ, а въ *сужденіяхъ*, т. е. въ процессѣ, отъ котораго неотдѣлимо утвержденіе или отрицаніе. „Познать значитъ утверждать или отрицать“, заявляетъ авторъ. Сужденіе состоитъ не въ безучастномъ созерцаніи или констатированіи фактовъ, а въ утвержденіи или отрицаніи, — одобреніи или неодобреніи. Значитъ къ содержанію нашего познанія мы относимся, какъ къ извѣстнаго рода цѣнности. А это возможно только подъ условіемъ, что познаніе наше опредѣляется чувствомъ, т. е. удовольствіемъ и неудовольствіемъ. Достоувѣренность познанія съ психологической точки зрѣнія есть лишь чувство удовольствія, возбуждаемаго сужденіемъ, которое признается цѣннымъ для насъ. Истина есть свойство сужденія, признаваемаго цѣннымъ. Эта идеальная необходимость есть основаніе всякой логической необходимости и главный предметъ познанія. Это должное, по мнѣнію автора, — *трансцендентной* природы, потому что самый фактъ познанія предполагаетъ норму цѣнностей, независимую отъ познающаго субъекта. Въ заключеніе авторъ сближаетъ логическое долженствованіе съ этическимъ, при-

знаеть одинаковость ихъ природы и потому находить возможнымъ говорить объ „интеллектуальной совѣсти“.

Мы полагаемъ, что среди русскихъ читателей найдется не мало такихъ, кому воззрѣнія Риккерта покажутся заслуживающими полного сочувствія. И надо сказать, что они имѣютъ значеніе, какъ предостереженіе противъ крайностей раціонализма и критицизма, какъ напоминаніе о томъ, что философское міровоззрѣніе должно давать отвѣты на запросы цѣльнаго человѣческаго духа, а не одного разсудка. Но надо быть справедливымъ—и не забывать, что способъ философствованія, подобный Риккертовскому, легко можетъ открыть просторъ самымъ необузданнымъ и фантастическимъ построеніямъ, па счетъ чего въ исторіи философіи—не безъ примѣровъ...

П. Тихомировъ.
